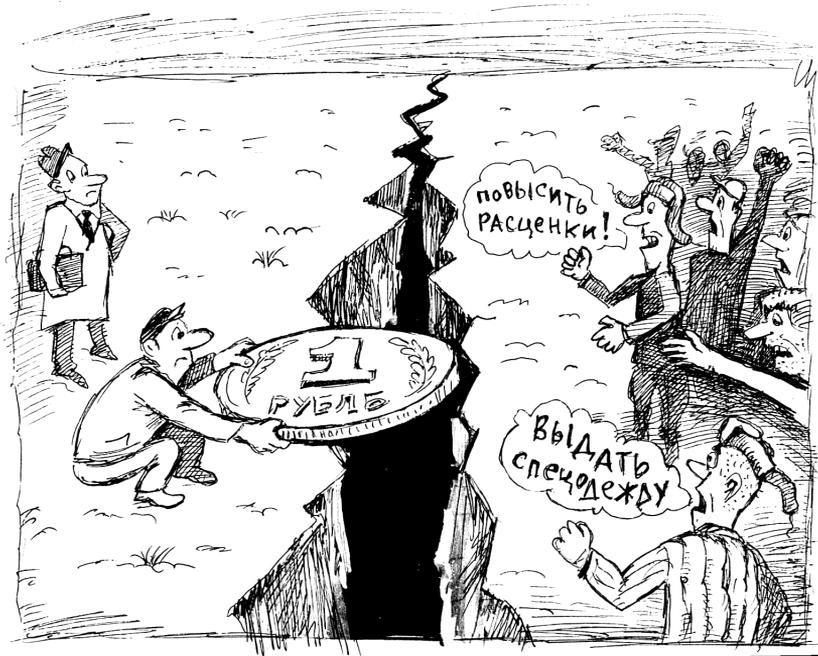

От забастовок к «волынкам»: рабочие протесты в советской стране 1920-х годов

С.А. КРАСИЛЬНИКОВ, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет. E-mail: krass49@gmail.com

В статье анализируются причины и характер забастовочного движения в СССР в 1920-е годы и уроки, которые извлекала большевистская власть из протестов различных групп работников против действий нанимателей. Политика в области трудовых конфликтов носила дуалистический характер, когда одни забастовки (в частном и концессионном секторах) пользовались институциональной поддержкой, а другие (в государственном секторе) пресекались административными и репрессивными методами. Устойчивое воспроизводство острых конфликтов в сфере труда ставит вопрос о действительной природе системы власти и экономического базиса, обозначавшихся как «социалистические».

Ключевые слова: забастовки, «волынки», конфликтная политика, аналитические оценки, природа трудовых протестов

Социально-трудовые конфликты в крайне резких формах (забастовки/стачки) в условиях господства концепции классовой борьбы становились универсальным объяснением неизбежности противостояния труда и капитала, индикатором зрелости и организованности наемных работников в отстаивании своих экономических и политических прав в дореволюционной России. Однако в раннесоветские годы конфликты не прекращались, и этому требовалось найти объяснение

После 1917 г. понятия «стачка» и «забастовка» употреблялись как синонимы. Нежелательные для власти конфликты маркировались как «волынки».

Забастовки: где и когда

Практика трудовых отношений в советской России оказывалась весьма далекой от директивных установок большевистской власти, в связи с чем руководство должно было найти новые объяснения существованию противоречий в экономико-производственной сфере и конфликтам как способам их выражения. Требовалось не только признание забастовок, но и форм их легализации, учета и технологий их предотвращения, вплоть до жестких методов подавления. Кодекс законов о труде (КЗоТ) 1920-х годов закрепил права трудящихся на отстаивание своих коренных интересов посредством использования мирных, легальных механизмов урегулирования конфликтных ситуаций. Была создана целая система органов примирительно-третейского характера (расценочно-конфликтные комиссии, примирительные камеры и третейские суды). Помимо внесудебного рассмотрения конфликтов, определялся и судебный порядок их разрешения.

Полномочиями оперативного реагирования на трудовые конфликты наделялись профсоюзы: в 1920-е годы они фактически выполняли роль инструмента легализации конфликтов, оказывались ответственными за организацию и проведение забастовок, в случае признания их неизбежности и целесообразности коллективных протестных действий рабочих и служащих. Но если вполне объяснимыми были действия профсоюзов, направивших недовольство работников негосударственного сектора экономики (частные и концессионные предприятия) в забастовочное русло, то организация трудовых протестов в государственном и кооперативном секторах требовала определенных пояснений.

После отмены режима «военного коммунизма» сравнительно быстро восстановились рыночные механизмы в сфере труда, соответственно и почва для проявления конфликтов интересов, индивидуальных, групповых и массовых. Несмотря на то, что считалась преодолённой эксплуатация трудящихся собственниками, сохранялись труд по найму и отношения работника с работодателем. Введение практики заключения коллективных договоров между работниками и администрацией предприятий и учреждений, особых прав профсоюзных органов в надзоре за соблюдением этих договорных отношений подразумевало и механизмы отстаивания прав работников, вплоть до забастовок. И хотя в идеологии большевизма конфликта между интересами трудящихся и госструктурами на почве труда не должно было быть, однако реальность заставляла большевиков считаться с групповыми выступлениями трудящихся, объясняя это «недостаточной сознательностью» работников, с одной стороны, и низким качеством управленческой работы государственных и кооперативных структур – с другой. Иначе говоря, допускался принцип обоюдной ответственности работников и работодателя за возникновение острых конфликтов на производстве, но считалось, что в ближайшей перспективе оба эти основания будут изживаться.

В известной мере толерантное отношение к самому наличию конфликтов в сфере труда и их публичность, включая отработанную технологию фиксации такого рода конфликтов органами Наркомата труда и профсоюзами (конфликтная статистика), являлись своего рода индикатором того, что в 1920-е годы, несмотря на все возрастающую тенденцию этатизации и идеологизации всех сфер трудовой деятельности, экономическая целесообразность и допустимость конфликтов властью не отрицались. Свидетельством тому служат две принимавшиеся партийными съездами специальные резолюции о партийной позиции в отношении к стачкам.

Партийные директивы 1920-х годов

В принятой на XI съезде партии (1922) директиве говорилось, что если стачки в частном предприятии являются выражением классовой борьбы между трудом и капиталом, то «применение

стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всячески остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической неразвитостью и культурной отсталостью трудящихся масс – с другой» [1. С. 485].

Та же позиция была зафиксирована и в принятой XIV партийным съездом (1925) резолюции, где указывалось, что «...стачка в обстановке пролетарского государства является свидетельством недостатков государственного аппарата, слабости самих профсоюзных органов и культурной отсталости объединяемых ими масс.

В отношении госпредприятий профсоюзы, крепко связанные с массами и пользующиеся их доверием, имеют широкие возможности исчерпать всякий конфликт нормальными методами примирительного и третейского разбирательства. Забастовка помимо и без ведома союза всегда является указанием на непредусмотрительную его политику, на разрыв между союзом и массой, на общую слабость союзной работы на данном предприятии» [2. С. 102].

Как видим, партийно-государственная политика потребовала внесения своих приоритетов в данном вопросе, следствием чего стало деление конфликтов по принципу их допустимости и возможности в одних условиях и вредности, нежелательности – в других. Для маркировки последних употреблялся специальный термин «*волынка*» или «*саботаж*», когда речь шла о стихийных формах протеста, не санкционированных партийно-профсоюзными структурами. Достаточно быстро коллективные трудовые конфликты стали сферой пристального и специфического внимания со стороны репрессивно-охранительных органов, что свидетельствует о процессе политизации экономики: как и до революции, соответствующие структуры наделялись не только надзорными функциями над протестными проявлениями на производстве, но и становились инструментом их подавления путем «изъятия» рабочих активистов. В последующем так называемые «волынки» способствовали расширению влияния чекистов на экономические процессы, поскольку в ходе массовых протестов всегда можно было отыскать «возбудителей» в лице социалистов, оппозиционеров, а то и просто «уголовных элементов».

Где норма, где аномалия: современники о забастовках 1920-х годов

После окончания гражданской войны руководство советских конфликтных органов в лице известного партийца и в то же время знатока и участника дореволюционного рабочего движения Александра Стопани (до середины 1920-х гг. – зав. тарифно-конфликтным отделом Наркомата труда, далее прокурор по трудовым делам Наркомюста) делало акцент на противоположности природы конфликтов до и после 1917 г. Основываясь на имеющейся в его распоряжении статистике забастовок в 1922 г., А. Стопани вывел несколько принципиальных различий забастовок двух эпох: масштабность, длительность, охват работников, причины и требования, результаты. Советские были более «мелкими», менее длительными, не столь «всеохватными», носили исключительно экономический, а также «оборонительный» характер, связанный с реакцией на ухудшение условий труда и жизни. Четыре из пяти забастовок закончились полным или частичным удовлетворением требований рабочих (до революции – лишь около половины).

Завершал свой сравнительный обзор Стопани достаточно оптимистично: «Кратко резюмируя особенности наших забастовок... следует признать большинство их по своему существу глубоко отличными от обычного типа забастовок капиталистического мира: они далеки от обычной пролетарской “всеобщности”, даже внутри одного того же предприятия. Они своей, как бы молниеносной краткосрочностью... скорее напоминают недоразумение типа простого конфликта – семейного характера, чем орудие какой-либо формы классово-борьбы. Они в своей значительной части, даже при данном неблагоприятном состоянии промышленности, – не имея сколько-нибудь серьезного характера, – вполне устранимы» [3. С. 18].

В. Буянов [4], анализируя забастовочную статистику 1924 г. – первой половины 1925 г., фиксировал следующую динамику: 1924 г. – 112 выступлений с числом участников – 14250, 1925 г. – 75 (с числом 24527). Причиной, как правило, было недовольство зарплатой.

Он отмечал далее, что «большинство забастовок кончилось или в пользу рабочих или компромиссно, и лишь в меньшем числе случаев рабочие не добились удовлетворения выставленных требований. Так, на государственных предприятиях в 1924 г. число забастовок,

закончившихся удовлетворением требований рабочих, равнялось 16 с 4666 рабочими, частичным удовлетворением – 16 забастовок с 3251 рабочим и полным отказом – 26 забастовок с 4575 рабочими. В первой половине 1925 г. – 10 забастовок с 6568 участниками закончились полным удовлетворением требований рабочих; 20 забастовок с 12886 участниками – частичным удовлетворением и 15 забастовок с 3101 участником – отказом в удовлетворении требований. Средняя продолжительность забастовок в госпредприятиях не превышала одного дня, максимальная – пяти дней [4. С. 41].

Тема отличий забастовочных проявлений в государственном и частном секторах экономики широко обсуждалась в нэповской печати. Конфликты на частных предприятиях не имели столь ярко выраженных протестных форм, как это предполагалось теорией «классовой борьбы». Этому препятствовал слабый охват профессиональными структурами небольших коллективов, способность предпринимателей гибко реагировать на недовольство работников, идя на мелкие уступки и т. д. Однако в случаях принципиально конфликтных ситуаций, когда централизованные профсоюзы оказывали реальную организационную поддержку назревшему протесту, там забастовка проходила «как по маслу».

Журналист Г. Слоним в своей публикации «На частных предприятиях Сибири» приводил показательный случай такой результативной акции (осень 1926 г.) в Новосибирске: «Мотивом к стачке послужил упорный отказ группы торговцев (в 71 чел.) в принятии пункта колдоговора, обязывающего их принимать на работу только членов профсоюзов. С согласия КСПС крайотдел совторгслужащих объявил стачку и бойкот указанной группе торговцев. Профсоюз выпустил обращение ко всем рабочим и служащим Новосибирска, ко всем крестьянам, приезжающим на рынок, с призывом поддержать профсоюз в его справедливых требованиях, не покупать ничего в магазинах и лавках, охваченных стачкой и бойкотом. Коллектив частных служащих избрал стачечный комитет. На территории базара были выставлены пикеты с соответствующими плакатами, лозунгами и воззваниями. Утром 23/Х-26 г. (дело было в базарный день) частные торговцы, крестьяне, городские покупатели увидели необычное зрелище. По углам базара стояли группы пикетчиков с плакатами, лозунгами и воззваниями, на которых красовались надписи: “Рабочие, служащие, крестьяне и все

граждане – проявите пролетарскую солидарность. Не покупайте ничего в магазинах и лавках, охваченных бойкотом и стачкой». В результате, стачка, продолжавшаяся с 9-ти до 12-ти часов дня (всего 3 часа), была закончена с полной победой союза» [5. С. 138].

«Волынки»: кто виноват, что делать?

В 1926 г. в центральном профсоюзном журнале появилась единственная в своем роде статья Н. Изакова «Как и почему получают конфликты на наших заводах» [6], где рассматривались причины острых конфликтов, которых не должно было быть в советских условиях, на примере нескольких «волынок» на металлургических заводах. Автор указывал, что недостатки производства, лежащие в основе негативной реакции рабочих, являются следствием «кризиса роста» промышленности и носят преходящий характер; носителями конфликтных действий выступают в первую очередь «новые» кадры, прежде всего крестьянская молодежь, которая еще не «пропиталась» пролетарским сознанием, крайне восприимчива к неувязкам, срывам договорных условий и т. д. «Неправильный разряд, неверно построенный расценки, случайный обсчет рабочего, грубое обращение администратора, – все эти вещи и десятки других создают осадок недовольства у рабочих, в общей сложности несомненно понижающих их настроение. Тот или иной конфликт касается единиц или небольшой группы рабочих, но сосредотачивает на себе внимание целого цеха, а иногда и предприятия ... Не видя правильного, законного пути, для предъявления своих требований и получения того, что он считает полагающимся ему по праву, рабочий ищет других неорганизованных путей и способов нажима, в виде одиночных или массовых выступлений – оскорблений администрации и специалистов, “волынок”, бросания работы со стороны отдельных групп и т. д.» [6. С. 11].

Автор указывает на организационно-хозяйственные причины конфликта: «Протест направлен обыкновенно против действий заводоуправления или своей цеховой администрации. Обыкновенно объяснение, даваемое рабочими своим действиям, состоит в том, что они хотят “нажать” на хозяйственников и “спецов” и “обратить внимание” вышестоящего органа на невыполнение

своих справедливых требований. ... Не приходится говорить, какой вред проистекает от такого “подхода” некоторых хозорганов. Неделями тянуть дело, обострять отношения с рабочими, натравливать их на цеховую администрацию, понижать производительность труда с тем, чтобы в конце концов сделать то, что можно и нужно было сделать раньше, – такая тактика должна быть осуждена самым решительным образом. Такое “тупоголовье” приучает рабочих к той мысли, что единственный способ чего-либо добиться заключается в “нажиге”, в срыве работы. Подобная тактика недопустимым образом противопоставляет рабочих своей красной администрации и приучает рабочих к анархическим выступлениям против своего производства, т. е. против самих себя» [6. С. 13].

Профсоюзный аналитик делает осторожный прогноз о том, что аппаратные сговоры за спиной рабочей массы будут и в дальнейшем почвой для «волынок»: «... приходится сталкиваться с тем, что действительное настроение всей массы по какому-либо вопросу, недостаточно глубоко продвинутому в низы, не всегда соответствует решениям ее передовой части» [6. С. 14].

Трудовые конфликты 10 лет спустя после Октября

В 1927 г. в стране было отмечено не уменьшение, а рост рабочих протестов, как «мирных (завершенных соглашением сторон путем примирительно-третейского разбирательства)», так и забастовок. П. Авдеев в статье «Против демагогии оппозиции по вопросу о росте рабочих конфликтов» [7] приводил статистику конфликтов последних лет вокруг заключения и перезаключения трудовых договоров: «в первом полугодии 1924/25 хоз. г. был отмечен 1021 конфликт на этой почве, в первом полугодии 1925/26 хоз. г. – 2818, в первом полугодии 1926/27 хоз. г. – 3561». Авдеев объяснял рост конфликтов тем, что к середине 1920-х гг. завершился восстановительный период в экономике, и зарплата, как и производительность труда, уже не могла расти прежними темпами: «Инерция прежнего движения столкнулась с исчерпанными возможностями; отсюда и столь большой рост конфликтов при заключении коллективных договоров на новый 1925/26 г.» [7. С. 48].

Среди традиционных причин конфликтов автор называл политическое обстоятельство, которое рабочие должны были учитывать, выдвигая свои требования: «Мы строим социализм в условиях капиталистического окружения, в условиях отсутствия займов и капитальных вложений капиталистических стран, и мы принуждены в меру возможности экономить, чтобы эту экономию пускать на расширение экономической базы социализма».

Автор отмечал, что хотя число забастовок колебалось (151 – в 1924 г., 99 – в 1925 г., 200 – в 1926 г.), но количество участников показало тенденцию к снижению с 42 800 чел. в 1924 г. до 32 600 чел. в 1926 г. Кроме того, средняя продолжительность конфликта сократилась с 2,6 дня (1924 г.) до 1,7 дня (1927 г.). Вывод Авдева располагал к оптимизму: «...Наши забастовки по своей мизерности ни в какое сравнение не идут с забастовками в капиталистических странах» [7. С. 52].

Донбасс «как зеркало» рабочего протеста

По мере того как протестные формы рабочих на действия власти продолжались, они становились все более нежелательными в свете непрерывной идеологической обработки населения по поводу строительства социализма и необходимости преодолевать трудности и препятствия на этом пути, информация о конфликтах на производстве исчезала из публичной сферы, становилась все более закрытой, все чаще она аккумулировалась лишь в партийных и чекистских структурах. Гласности предавались только санкционированные властью конфликты на частных и концессионных предприятиях, протесты в госсекторе уводились в тень.

В связи с этим особую значимость для исследователей приобретает документация ОГПУ. Ситуация, сложившаяся в Донбассе в 1927–1928 гг., отражена в чекистских сводках и докладах того времени, так как регион имел стратегическое значение в контексте начавшейся форсированной модернизации промышленности, а потому конфликты в области социально-трудовых отношений проявлялись там резко и масштабно (печально известное «Шахтинское дело» о будто бы действовавшей в регионе «контрреволюционной вредительской организации спецов» (1928 г.)). Экономическая подоплека производственных конфликтов приобретала здесь отчетливый социокультурный оттенок в форме

так называемого «спецедействия» – острых столкновений между рабочей массой и специалистами. Поскольку «донбасский узел» анализировался с позиций выявления «точек» социального напряжения и протеста, а также извлеченных «уроков», информация о забастовках в регионе содержала ретроспективный аспект.

Из документов Артемовского окружного отдела ГПУ Украины о забастовочной ситуации в 1927–1928 гг.:

«... За 1928 год: всего зафиксировано 31 волынка, связанная хотя-бы с непродолжительным прекращением работы. Из коих падает:

на горняков.....	11	участвовало	274 чел.
“ металлостов.....	4	– « –	160
“ химиков.....	1	– « –	6
“ строителей.....	15	– « –	730
ИТОГО... –	31	–	1170 чел.

Причины:

на почве требования понижения нормы выработки...5–	220 чел.
– « – увеличения расценок.....	13–646
– «– несвоевременная выдача спецодежды	2–26
– « – по причинам технических неполадок	1–17
– « – ненормальности выдачи зарплаты.....	1–20
– « – на почве снижения расценок	4–106
– « – большой температуры жары	1–12
– « – требован. пересмотра процента приработка..	1–37
– « – введения 4-х смен. системы.....	1–30
– « – неуплаты за прогульные и простойные часы	1–13
– « – тяжелых условий работы.....	1–43
И Т О Г О..... –	31–1170 чел.

Большое количество забастовок, а также большой процент участвующих падает на строителей – сезонных рабочих. Это объясняется тем, что этот элемент, в большинстве своем является пришлым из села, цели которого сорвать больше заработной платы» (*из докладной записки от 1 декабря 1928 г.*) [8. С. 969–970].

В справке Информотдела ОГПУ, датированной 20 февраля 1928 г., дан перечень наиболее типичных причин и исхода конфликтов в Артемовском округе:

«На предприятиях Артемовского округа в 1927 году и в январе-феврале 1928 года имели место 52 забастовки; из них 35 в каменноугольной промышленности и 9 на металлзаводах. Причинами

забастовок среди горняков являются: недовольство назначением чрезмерных норм, низких расценок и существующие на шахтах тяжелые условия труда (крепость породы, отсутствие вентиляции и т. д.). Бастуют исключительно забойщики, группы до 100 чел.

Забастовки среди металлистов возникали, главным образом, на почве недовольства уровнем зарплаты, бастовали небольшие группы рабочих (прокатный и литейный цеха). Особенно неблагоприятным по количеству конфликтов является Енакиевский завод им. Рыкова (5 забастовок из 9). <...> Одним из факторов, обуславливающих остроту конфликтов, на ряде предприятий (главным образом в горной промышленности) является грубость администрации и произвол при назначении расценок и норм. Большинство конфликтов выявило также слабость, а нередко и полную бездеятельность отдельных профорганизаций. На большинстве предприятий заводские и рудничные организации не принимали никаких мер для предупреждения назревающих конфликтов. На заявления и жалобы по поводу тех или иных мероприятий и изменений в области зарплаты, рабочие зачастую не получали ответа. В связи с этим со стороны а [нти] / с [оветского] элемента отмечалась агитация против профорганов, вплоть до призыва к эксцессам.

... На рудниках Енакиевского комбината в 27-м году имели место 9 забастовок. Из них большинство на шахте “Красный Профинтерн”. Бастовали группы забойщиков. 12/IV на шахте “Красный Профинтерн” забастовала группа забойщиков, недовольных высокими нормами, в связи с крепостью обрабатываемых пластов. Рабочие потребовали создать комиссию для обследования породы на их участке, но шахтбюро никакой комиссии не выделило, *причем инициаторы забастовки были уволены* (здесь и далее выделено нами. – С.К.).

19 мая опять забастовала группа забойщиков в 30 чел. недовольных высокими нормами выработки. Характерно, что еще 9-го мая рабочие подали заявление в РКК о пересмотре норм, но высланная комиссия оставила старые нормы. Накануне забастовки 18-го мая забойщики предупреждали зав. подземными работами о том, что они намереваются бастовать, но мер никаких принято не было. Забастовка продолжалась два дня. *Требование рабочих удовлетворено не было*. В июне-июле недовольство забойщиков на руднике продолжалось, и 9 июля группа забойщиков опять

забастовала. Вызванный рабочими представитель шахтбюро на вопрос – почему повышены нормы, ответил: “Если администрация находит это нужным, то так и должно быть, *а если рабочие будут бастовать, то их рас[с]читают*”. После этого рабочие забастовали. Среди бастующих раздавались выкрики: “Администрация только и знает обдирает рабочих и набивает себе карманы за наш счет, а шахтбюро не смотрит за этим. Если рабочие предъявляют справедливые требования, то их считают забастовщиками”. *Под угрозой расчета рабочие возобновили работу*. После этого были слышны разговоры: “Как только начнется война – всех гадов с производства побросаем в ствол”. Нормы не были пересмотрены и настроение рабочих обострялось. 10-го августа забойщики снова забастовали. Нормы на руднике настолько высоки, что в июле мес[ячную] норму выработали всего лишь 3 человека. ... Серьезные конфликты отмечались в Рудоуправлении Химугля. Обращает на себя внимание забастовка 120 рабочих 3 марта в связи с резким повышением норм, проведенным без всякого предупреждения. На активе, созванном [партийной] ячейкой на второй день после забастовки, рабочие партийцы указывали, что нормы Рудоуправлением были вывешены необдуманно; выяснилось, что они совершенно не были согласованы с профорганами. 6 марта на общем собрании рабочих (присутствовало 300 ч.), докладчик, желая загладить вину администрации, заявил, что нормы, якобы, были вывешены не для проведения в жизнь, а для того, чтобы рабочие обсудили вопрос и высказались по нему. В выступлениях рабочих выявилась резкая враждебность по отношению к администрации, которую они называли “новой буржуазией, стремящейся задушить пролетариат”. Группа инициаторов (среди них один б. член ВКП) призывала: “бить коммунистов” и заявляла, что “коммунисты сидят на спине у рабочих и способствуют приходу английской буржуазии”.

... Наиболее серьезный конфликт на Енакиевском металлургическом з-де им. Рыкова произошел 4 августа. Забастовавшая группа ключечников потребовала оплаты за выполняемую ими подсобную работу; требование их было поддержано остальными рабочими прокатного цеха. Когда вторая смена также присоединилась к забастовке, управкомбинатом вызвал милицию. Смена ушла с завода. Третья смена, придя на завод, присоединилась к бастующим. *Тогда нач[альник] милиции предложил рабочим приступить к работе,*

угрожая увольнением. Милиционеры схватили одного из бастующих. После этого рабочие, под наблюдением милиции, возобновили работу. Заводоуправлением намечено к увольнению 20 ч. крющечников. Настроение рабочих было использовано отдельными лицами для антисоветской агитации: “При старом режиме пили кровь эксплуататоры, а теперь товарищи”, “теперь даже требовать нельзя, милиция заставила работать под угрозой нагайки, как старая жандармерия”» [9].

Как следует даже из предельно сжатой чекистской информации, практически во всех приведенных забастовочных или предзабастовочных ситуациях за внешней чисто экономической их мотивацией скрывались более глубинные поведенческие основания, базировавшиеся на традициях, стереотипах, предрассудках социально-культурного, этнического характера, причудливо смешанных с политико-пропагандистскими установками большевизма (управленцы как «новая буржуазия»; «при старом режиме пили кровь эксплуататоры, а теперь товарищи» и т. д.).

В борьбе обрешь ты право свое?

Разделение забастовок на допускаемые и поощряемые в одних случаях (частно-концессионный сектор) и запрещаемые и подавляемые – в других (госсектор) в конфликтной практике фактически вело к деформациям во взаимоотношениях наемных работников со своими работодателями. Работники имели защищаемые законодательством (КЗоТ) значительные права, кроме одного из важнейших – на защиту и отстаивание своих жизненных интересов от произвола нанимателя (частника или государства) вплоть до применения забастовок.

Так было не всегда, точнее, не сразу. Еще в первые годы после гражданской войны крупнейшие отраслевые профсоюзы имели разработанные и утвержденные на уровне ВЦСПС регламенты организации и проведения забастовок без оговорок, в каком из секторов экономики они происходят. Забастовкам находилось поначалу место и в сознании партийных и профсоюзных функционеров.

Оценочный «перелом» произошел в середине 1920-х гг., когда по мере нарастания кризисных явлений в экономике и роста социальной напряженности в обществе дискуссии внутри партии обнажили вопросы не только о допустимости и границах эксплу-

атации работников в государственном секторе, но и о самой природе государственной собственности. Партийные оппозиционеры открыто высказывались о перерождении власти, а систему производства обозначали как государственный капитализм, усматривая в забастовках рабочих основания для подобного вывода.

Рабочий протест, имевший под собой реальные экономические и социальные основания (ухудшение условий труда и быта, стагнация уровня жизни рабочих на фоне разрастания номенклатурных привилегий для управленцев и т. д.), подпитывался и политикой власти в рабочем вопросе, когда последняя чем дальше, тем больше использовала административные и репрессивные методы для увольнения «зачинщиков» и арестов рабочих-активистов. То, что рабочие отсекались от права на легальные забастовки в госсекторе, еще больше контрастировало с периодически проводившимися кампаниями поддержки и помощи советскими рабочими массовых забастовочных движений в «странах капитала» (забастовки горняков в Англии, лесорубов в Норвегии и др.), там, где допускалось право профсоюзов на забастовки. Уместно напомнить, что такого рода основание в нашей стране оказалось узаконено только с принятием в 1993 г. Конституции РФ, где в гл. 2, ст. 37, п. 4 признается право на забастовку как один из способов разрешения трудовых споров.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. девятое. Т. 2. 1917–1922. – М., 1983. – 606 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. седьмое. Ч. II. 1925–1953. – М., 1953. – 1204 с.
3. Стопани А. Об особенностях наших забастовок // Вопросы труда. – 1923. – № 2. – С. 15–18.
4. Буянов В. Трудовые конфликты и политика профсоюзов. Наша принципиальная позиция в конфликтах // Вестник труда. – 1926. – № 2. – С. 31–44.
5. Слоним Г. На частных предприятиях Сибири // Вестник труда. – 1927. – № 8. – С. 133–139.
6. Изаков Н. Как и почему получают конфликты на наших заводах // Вестник труда. – 1926. – № 10. – С. 9–14.
7. Авдеев П. Против демагогии оппозиции по вопросу о росте рабочих конфликтов // Вестник труда. – 1927. – № 11. – С. 45–52.
8. Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2011. – 1087 с.
9. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 614. Л. 50–55.